

Экспрессивная функция производных субстантивов в письмах А.П. Чехова

Expressive function of derivatives substantives in the letters of A.P. Chekhov

Крылова М.Н.

канд. филол. наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных дисциплин и иностранных языков Азово-Черноморского инженерного института – филиала Донского государственного аграрного университета
e-mail: krylovamn@inbox.ru

Krylova M.N.

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Humanities and Foreign Languages of the Azov-Black Sea Engineering Institute – a branch of the Don State Agrarian University
e-mail: krylovamn@inbox.ru

Аннотация

В статье рассмотрены узуальные и окказиональные субстантивы, использованные А.П. Чеховым в письмах с экспрессивной функцией. Отмечается, что производные субстантивы помогают автору передавать самые разные чувства (приветливость, добросердечие, скромность, оригинальность, насмешливость, язвительность и др.) и превращают пространство письма в территорию живого, непосредственного, очень эмоционального общения. Писатель предстаёт в письмах как любезный, ласковый и ранимый человек, при этом способный на язвительные, ироничные, саркастичные оценки, на проявление негативных чувств. Производные субстантивы в письмах А.П. Чехова показывают, насколько значимы для писателя чувства, как важно для него передать их своим адресатам.

Ключевые слова: словообразование, субстантив, письма, эпистолярный, экспрессивная функция, Чехов.

Abstract

The article deals with the conventional and occasional substantives used by A.P. Chekhov in letters with an expressive function. It is noted that derived substantives help the author to convey a variety of feelings (friendliness, kind-heartedness, modesty, originality, mockery, causticity, etc.) and turn the space of writing into the territory of live, direct, very emotional communication. The writer appears in letters as an amiable, affectionate and vulnerable person, at the same time capable of caustic, ironic, sarcastic assessments, of the manifestation of negative feelings. Derivative substantives in the letters of A.P. Chekhov show how important feelings are for a writer, how important it is for him to convey them to his addressees.

Keywords: word formation, substantive, letters, epistolary, expressive function, Chekhov.

А.П. Чехов оставил после себя не только великое художественное, но и значительное эпистолярное наследие, которое, к слову, в 30-томном полном собрании его сочинений занимает 11 томов (с 19-го по 30-й). Писатель состоял в активной переписке с 1886 по 1904 г., до самой смерти, адресуя письма родственникам, друзьям, подругам, знакомым, возлюбленным, издателям, коллегам и т.д. Его письма – не просто часть литературно-художественного наследия автора, но и бесконечный источник информации о личности А.П. Чехова, о способах его взаимодействия с людьми, о его характере, чувствах и мыслях. Письма одновременно

интимны и открыты, нацелены на восприятие конкретным адресатом и предназначены для изучения потомками.

Письма А.П. Чехова анализируются сегодня с различных точек зрения, с помощью разнообразных научных подходов, при этом исследователями неизменно отмечается оригинальность языка писателя в письмах, его склонность к отходу от эпистолярных традиций. Н.А. Ковалева пишет: «В каноническую жанровую структуру – форму традиционного письма великий стилист А.П. Чехов вносит поэтику новизны, неожиданности и девиации» [6, с. 114]. Т.В. Кыштымова анализирует в письмах А.П. Чехова фонетическо-орфографические искажения [7], Ю.Г. Сюрин – трансформацию автором фразеологических единиц [10], А.О. Валова и Е.В. Юматова – созданные писателем в письмах окказионализмы [3], Т.П. Акимова – «некоторые вольности в обращении с прецедентными текстами» [1, с. 25]; О.И. Родионова обнаруживает в письмах «ложные» отсылки к Библии, которые писатель делал «шутки ради» [9, с. 58]. Для всех исследователей несомненно, что в письмах А.П. Чехов свободно обращался с русским языком, привлекая различные его ресурсы в качестве инструментов воздействия на адресата, создания юмора, трансляции своих сложных переживаний и т.п.

В числе средств, активно включаемых А.П. Чеховым в создание особой атмосферы его писем, есть и словообразовательные, которые также привлекают внимание исследователей. С.Я. Гехтляр и Г.Е. Маханова выявляют деривационный потенциал репрезентантов концепта «скука» [4], А.Х. Барашев – роль окказиональных субстантивов писателя в текстообразовании [2], Е.И. Лелис анализирует словообразовательные единицы в письмах с точки зрения их роли в формировании подтекста [8]. Несмотря на наличие обращений к данной теме, назвать словообразовательные особенности писем А.П. Чехова хорошо изученными нельзя.

Целью настоящего исследования является анализ ряда производных субстантивов, которые используются в письмах А.П. Чехова с экспрессивными целями. Мы не претендуем на всеобъемлющий охват материала и стремимся остановиться на нескольких наиболее ярких и характерных примерах оперирования автором производными субстантивами. Материалом для исследования стали письма А.П. Чехова, представленные в томах 19-30 полного собрания его сочинений [11].

Экспрессивная функция словообразования является одной из основных. Е.А. Земская выделяет её наряду с номинативной, конструктивной, компрессивной и стилистической [5, с. 8] и отмечает, что, реализуя данную функцию, говорящий стремится создать «экспрессивную форму выражения» [там же], передать свои эмоции и вызвать ответные эмоции у адресата текста. Для А.П. Чехова такая цель часто становится в письмах не просто значимой, а важнейшей, ведущей. Рассмотрим основные словообразовательные модели производных субстантивов, демонстрирующих это.

Экспрессивную функцию в письмах А.П. Чехова выполняют и узуальные, и окказиональные производные субстантивы.

Важными для эмоционального поля писем писателя являются узуальные субстантивы *девица*, *пьяница*, а также субстантивы с суффиксом *-щин(а)*.

Слово *девица* чаще всего применяется для характеристики всего негативного, что писатель видит в современных молодых женщинах, – духовной пустоты, докучливости, малообразованности, неискренности, желания обязательно выйти замуж и др. Например: «Каждый день знаколюсь с девицами, т.е. **девицы** ходят к Ер<емееву> поглядеть, что за птица Чехов, к<ото>рый “пишит”» (Чеховым, 10-11 апреля 1887 г.), «**Девицы** здесь – сплошная овца: если одна поднимется и выйдет из зала, то за ней потянутся и другие» (Чеховым, 25 апреля 1887 г.). С помощью данного субстантива выражается ироничное отношение к большинству девушек, окружавших писателя.

Субстантив *пьяница* используется для порицания, обычно в адрес брата Александра: «Очень хочется повидаться с тобой; хотя ты и необразованный человек и притом **пьяница**, но все-таки я иногда вспоминаю о тебе» (Ал.П. Чехову, 27 декабря 1890 г.), хотя часто он просто выполняет функцию обращения, без ярко выраженного негативизма: «Нет, **пьяница**,

что касается книги, то я должен извиняться, а не ты» (Ал.П. Чехову, 7 или 8 сентября 1887 г.). Нередко употребляя данное существительное в переписке с братом, А.П. Чехов обычно просто констатирует факт, пусть и прискорбный для него, но такой, против которого писатель бессилён.

Действительно, брат А.П. Чехова Александр страдал алкоголизмом – писатель понимал это и недоумевал, почему так произошло, ведь «*в роду нет пьяниц*» (А.С. Суворину, 10 октября 1888 г.). Он пытается оправдать и объяснить недуг брата: «*Александр не пьёт зря, а напивается, когда бывает несчастлив или обескуражен чем-нибудь*», однако его алкоголизм для писателя – явление точно установленное. В то же время писатель неоднократно подчёркивает, что считает пьянство не грехом или пороком, а бедой, с которой человек, однажды заболев, практически не способен справиться. С этим и связана низкая экспрессивность данного субстантива в письмах.

Субстантивы с суффиксом *-щин(а)* (*бестолковщина, татарщина, чертовщина, казенщина, военищина* и др.) используются писателем для обобщения и неодобрительной оценки явления. Например: «*На гавани воняет канатом, мелькают какие-то рожки с красной, как кирпич, кожей, слышны звуки лебедки, плеск помоев, стук, татарщина и всякая неинтересная чепуха*» (М.П. Чеховой, 14 июля 1888 г.). С помощью субстантива *военищина* он передаёт своё негативное отношение ко всем худшим качествам, которыми могут обладать в своей совокупности военные, и всё худшее, что может встретиться человеку в армии или флоте – сообществе военных людей: «*Все советуют ехать обратно через Америку, так как, говорят, на Добровольном флоте умрешь с тоски: военищина, казенщина и редко пристают к берегу*» (Чеховым, 20 мая 1890 г.).

Образуя субстантивы с помощью суффикса *-еств-*, писатель получает окказиональные лексемы *литературничество, ненавистничество*. Они могут показаться образованными писателем по одной словообразовательной модели. Однако, хотя по структуре слова и совпадают, второе имя существительное, по-видимому, является не отглагольным (модель: глагол на *-ничать* + суффикс *-еств-*: *литературничать* → *литературничество*), как первое, а отадъективным (модель: имя прилагательное + суффикс *-ичеств(о)*: *ненавистный* → *ненавистничество*). Данные субстантивы используются писателем по одному разу, при этом с их помощью ярко передаётся язвительность автора, его ироничное отношение к предмету обсуждения. Например: «*...Наше общество утомлено, от ненавистничества оно ржавеет и киснет, как трава в болоте, и ему хочется чего-нибудь свежеего, свободного, легкого, хочется до смерти!*» (А.С. Суворину, 8 января 1900 г.).

Оригинальное окказиональное существительное, также являющееся окказиональным, – *разладица*: «*С этим Квзимодо у меня разладица*» (Ал.П. Чехову, 17 января 1887 г.). Оно образовано при помощи суффикса *-иц(а)* либо от субстантива *разлад*, либо от глагола *разладиться*, который, кроме того, совпадает с производным субстантивом в произношении. С помощью данного слова автор передаёт насмешку и досаду по поводу того, что с одним из общих знакомых не удаётся наладить отношения.

Яркими экспрессивными средствами являются в письмах писателя субстантивы с оценочными суффиксами, или формы оценки. Их можно разделить на три группы: диминутивы (слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами), противостоящие им аугментативы (слова с увеличительными суффиксами) и субстантивы с пренебрежительно-уничижительными суффиксами. Существительные всех трёх разновидностей могут также быть в письмах и узуальными, и окказиональными.

Писатель предпочитает начать письмо более традиционно, затем решить все насущные вопросы, а далее, к концу письма, общение становится более интимным, чему во многом способствуют диминутивы. Действительно, в начале писем диминутивы встречаются редко, хотя и не исключены: «*Милый Жанчик!*» (И.Л. Леонтьеву (Щеглову), 7 ноября 1888 г.). В заключительной же части письма часто видим перечисление множества родственников и знакомых, каждого из которых писатель называет по-особому – по имени-отчеству, просто по имени, с помощью диминутива. Например: «*Кланяюсь Настюше и мальчикам. Извиня-*

юсть перед Алексеем Алексеевичем, что не успел проститься с ним и с его женой» (А.С. Суворину, 4 февраля 1889 г.). Здесь часто звучит ироничная, шутовская нота: «Прощайте, голубчик, и не забывайте нас грешных. Привет мой Вашей жене, гусикам и утикам» (К.С. Баранцевичу, 23 апреля 1889 г.).

Использующий диминутивы автор предстаёт перед нами человеком, ценящим в переписке любезность, добросердечие, юмор, оригинальность, обладающим приветливой и ласковой манерой общения. Это проявляется по отношению и к далёким знакомым, и к самым близким людям: «Поклон **Иринушке**» (Г.М. Чехову, 11 (23) октября 1897 г.), «Думал о том, что тебе нужен **сынишка**, который занимал бы тебя, наполнял бы твою жизнь» (О.Л. Книппер-Чеховой, 20 декабря 1902 г.).

Многие диминутивы являются средствами конструирования автором комического и в то же время транслируют какие-то важные смыслы. Так, наименование *циркулярик* звучит как игровое, кроме того, с его помощью писатель приуменьшает важность задания, которое поручает брату (следить за публикацией сборника рассказов), делает так, чтобы поручение звучало как шутка, как лёгкое дело: «Блюда, чтоб не было опечаток, чтоб рассказы печатались в порядке, обозначенном в **циркулярике**...» (Ал.П. Чехову, 19 марта 1887 г.).

Субстантивы с пренебрежительно-уничижительными суффиксами нередко именуют в письмах много путешествовавшего писателя небольшие города, встречающиеся ему по пути: «Обиднее всего, что в уездных **городишках** есть нечего, а это в дороге ух как чувствуется!» (Ал.П. Чехову, 5 июня 1890 г.). Для писателя, в основном негативно характеризующего маленькие города, неприемлем не столько их небольшой размер и плохой сервис, ожидающий здесь путешественника, сколько отсутствие в них живой жизни, энергичности, развития: «Перед моим окном тора с соснами, правее дом исправника, еще правее паршивенький **городишко**, бывший когда-то стольным городом...» (Н.А. Лейкину, 14 июля 1884 г.).

С помощью диминутивов и существительных с пренебрежительно-уничижительными суффиксами А.П. Чехов нередко характеризует собственное литературное творчество – и как процесс, и как результат. Например: «В этот сезон напишу один **водевильчик** и на этом успокоюсь до лета. Разве это труд? Разве тут страсть?» (И.Л. Леонтьеву (Щеглову), 2 ноября 1888 г.). Диминутивы такой семантики часто сочетаются с оценочными прилагательными, что, конечно, усиливает экспрессию иронии, недоверия к себе, сомнения в своих силах: «**Водевильчик пошловатенький и скучноватенький**, но в провинции пойдет: две мужские роли и одна женская» (И.Л. Леонтьеву (Щеглову), 7 ноября 1888 г.). Что перед нами – скромность, отрицание своего таланта или обычная для писателя игра – сказать порой трудно. Как нам кажется, диминутивы, используемые по отношению к собственному литературному творчеству и его результатам, говорят о скромности писателя и его желании приуменьшить значимость своего вклада в литературу. Возможно, подобные оценочные субстантивы (*книжка, рассказыки, повестушка, мелочишка, ерундишка, комедийка, корректурка* и др.) показывают желание автора вызвать ответные уверения в величии и огромных достоинствах его произведений.

Благодаря окказиональной лексике, имеющей семантику денежных средств (*авансик, гонорарий, деньжонки, деньжишки* и др.) мы точнее видим образ писателя – человека, измученного материальными трудностями, страдающего от непостоянства признания, в том числе со стороны людей, которые (он это прекрасно понимал) не способны по достоинству оценить масштаб его таланта. Например: «Если Вы в самом скором времени пришлете мне **деньжонок**, то уподобитесь водоносу, встречающемуся путнику в пустыне» (В.А. Тихонову, 30 ноября 1891 г.).

В письмах О.Л. Книппер писатель старается подобрать и создать производные субстантивы, которые были бы характерны только для их интимного общения: *душка, светик, балбесик, собачка, лошадка, клопик, мамуся, милюся, мордуся* и др. Ряд из них представляет собой модель детской дразнилки по фамилии (*Книппуша, Книпперуша*). Здесь для него принципиально важно быть оригинальным: «**Лошадка моя добрая**, завтра опять буду писать»

(О.Л. Книппер-Чеховой, 18 февраля 1904 г.). Благодаря использованной производящей основе и суффиксу автору удаётся сделать производный субстантив семантически ёмким.

Трансформация фамилии с помощью оригинального производного субстантива (*Алфери-чича, Кувшинчича, Гундасиха, Гамбурчича, Сувориха, Сысоиха, Пупопупырушкина* и др.) для А.П. Чехова ещё один дополнительный способ подшутить над несимпатичным автору человеком: «*Этим летом мадам Гамбурчича не будет жить в Звенигороде*» (П.Г. Розанову, 13 февраля 1885 г.). Таким способом писатель нередко признаётся в неприятии им данной личности: «*От Вашего имени я Сысоихе наговорил таких вещей, что в письме к Вам она уж ед-ва ли назовет Вас “моя дорогая”...*» (М.В. Киселевой, 6 января 1888 г.). Мы видим здесь примеры использования безжалостного юмора автора.

Итак, экспрессивное словообразование является одной из важнейших черт языковой личности А.П. Чехова, проявляемой в письмах наиболее ярко. Писатель здесь максимально нацелен на установление контакта с конкретным человеком, в отличие от художественных произведений, адресат которых в значительной степени абстрактен. В письмах формируется пространство непосредственного общения, в котором А.П. Чехов проявляет свои наиболее яркие языковые и эмоциональные предпочтения. К их числу относится и необходимость создания и использования значимых в структуре письма производных субстантивов. Главная функция, которую выполняют в письмах А.П. Чехова производные субстантивы, как узуальные, так и окказиональные – экспрессивная. Для писателя очень важно транслировать адресату свои чувства, создав тем самым условия для эмпатии – получения от адресата сопереживания, понимания, сочувствия. Писатель предстаёт перед нами очень ранимым, чувствительным человеком, погружённым в мир своих чувств и старающимся передать их адресатам писем.

Литература

1. *Акимова Т.П.* Особенности употребления прецедентных текстов в письмах А.П. Чехова // *Грани познания*. – 2014. – № 1 (28). – С. 22-25.
2. *Барашев А.Х.* Окказиональные субстантивы и их текстообразующая роль в письмах А.П. Чехова // *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки*. – 2020. – № 8. – С. 133-136.
3. *Валова А.О., Юматова Е.В.* Функции окказиональных слов в эпистолярном жанре А.П. Чехова // *Проблемы теоретической и прикладной подготовки студентов к преподаванию русского языка в условиях модернизации педагогического образования: Сб. научн. тр. по мат. Междунар. науч.-практ. конф.* – Саранск: МГПИ, 2018. – С. 4-10.
4. *Гехтляр С.Я., Маханова Г.Е.* Языковая реализация деривационного потенциала репрезентантов концепта «скука» (на материале художественных произведений и писем А.П. Чехова) // *Вестник Брянского государственного университета*. – 2015. – № 2. – С. 283-289.
5. *Земская Е.А.* Словообразование как деятельность. – Москва: Наука, 1992. – 224 с.
6. *Ковалева Н.А.* Коммуникативная направленность писем А.П. Чехова // *Известия Южного федерального университета. Филологические науки*. – 2009. – № 4. – С. 106-114.
7. *Кыштымова Т.В.* Фонетическо-орфографические искажения в письмах А.П. Чехова // *Вестник Шадринского государственного педагогического института*. – 2011. – № 2 (11). – С. 98-102.
8. *Лелис Е.И.* Грамматические средства формирования подтекста в прозе А.П. Чехова (словообразовательный уровень) // *Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология*. – 2014. – № 2. – С. 71-75.
9. *Родионова О.И.* «Ложные» отсылки к Библии в письмах А.П. Чехова // *Русская речь*. – 2015. – № 2. – С. 54-58.
10. *Сюрина Ю.Г.* Фразеоматика писем А.П. Чехова к Лике Мизиновой // *Молодёжь XXI века: шаг в будущее: Мат. XVIII регион. науч.-практ. конф.* – Благовещенск: БГПУ, 2017. – С. 199-200.
11. *Чехов А.П.* Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 19-30. – Москва: Наука, 1974-1983.